

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ГУСЕВА

СПАСЁННАЯ ТЕТРАДЬ

Старая женщина усталой походкой шла по разрушенному городу, отыскивая улицу, на которой она жила до того, как немцы их всех, не успевших эвакуироваться, погна-ли на запад. Искала маленькую, всего в шестнадцать домов, улицу окраинного Воронежа, находившуюся в его северо-восточной части, неподалеку от Ботанического сада. С уютными одноэтажными домиками с одной стороны (с другой простирался большой фруктовый сад), немощёная, она представляла собой первозданную лужайку. Машины, редкие в то довоенное время, сюда и вовсе не заезжали. Липы, берёзы и каштаны, окаймлявшие её односторонний тротуар, придавали ей неизъяснимую прелесть. При каждом доме обязательно был сад, за что улица получила название Садовой. Всех ступивших на неё она одаривала тишиной и каким-то необыкновенным благоуханным воздухом, ей только одной присущим ароматом. Невольно забывались духота и суeta большого города, и душа настраивалась на поэтический лад.

Сюда, в дом под номером 14, часто приходил поэт Константин Михайлович Гусев, в то далекое время – просто Костя Гусев. С тремя дочерьми старой женщины, сёстрами Липатниковыми, обитавшими в этом доме, поэта связывала большая дружба. Сёстры любили музыку, поэзию, в доме собирались молодёжные компании, читались стихи, обсуждались литературные новинки. Милой тихой Садовой К.М. посвятил много задушевных строк...

Поэта в доме 14 любили, и всё написанное им собиралось и хранилось. Так постепенно накопился целый мешок писем и стихов. Когда же возникла угроза захвата немецкими войсками города, старая женщина, мать сестёр (их к тому времени в городе не было), собрала все рукописи и письма, ценные книги и кое-что из вещей, сложила в оцинкованные баки и зарыла в сарае. Теперь, после освобождения города, она шла на свою Садовую. От знакомых она знала, что дом её сгорел, но, отправляясь в дальнее путешествие, она всё ещё на что-то надеялась. Однако по мере того как она продвигалась по городу, для надежды оставалось всё меньше места. Глаза отказывались верить в реальность открывшейся печальной картины. Под куполом высокого весеннего неба на всем обозримом пространстве виднелись причудливые остовы разбитых зданий, то там, то здесь торчали печные трубы, чернели вытаявшие из-под снега фундаменты.

Садовую она опознала по большому фруктовому саду, хотя деревья в саду были сильно покалечены и обожжены. Противоположная сторона улицы изменилась неузнаваемо, кроме отдельных деревьев, на ней почти ничего не осталось, на что могла бы опереться её память. Женщину охватил страх: а вдруг в этом необитаемом мире она не найдет даже место, где когда-то жила с дочерьми? Она стала считать фундаменты и остановилась перед четырнадцатым по счёту. Вот здесь. Как, оказывается, мало было пространство, где некогда протекала жизнь её и её близких со всеми их заботами, тревогами, радостями. Женщина осмотрелась. Сарая-омшаника, где она зарыла семейные сокровища, не было, на месте ямы сверкало оконце вешней воды. По всему двору и саду вперемежку с мокрым снегом и землёй, со щепками и битым кирпичом были разбросаны размокшие книги, листки бумаги, письма, ноты. Первой мыслью женщины было собрать всё это, спасти. Она подняла несколько совершенно раскисших листков.

*Читайте, любите, поймите
Великие веды природы!
Осенние сонные виды,
Весенние быстрые воды... –*

с трудом прочла она. На втором листке и вовсе ничего нельзя было разобрать, и она уже хотела бросить его, но что-то знакомое почудилось в едва различимых словах, и, не столько читая, сколько угадывая, она впиалась в расплывшиеся лиловые строчки.

*Этот весенний день
Так радостен
И печален –
Кажется,
Мартовский воздух
В самое сердце вошёл.
Сини
Бездонностью горных озёр
Большие глаза проталин.
Вы сохраните
Стих мой прощальный,
Друзья,
Хорошо?
Мы расстаёмся,
Может быть,
С кем –
И навеки...*

Дальше страница обрывалась.

Да, действительно, это стихотворение она не раз слышала в исполнении самого автора. В тридцать девятом году это было, её старшие девочки заканчивали вузовскую учебу. Это – «Прощальное». В поисках окончания стихотворения женщина подняла ещё несколько листков, но они были в ещё худшем состоянии, чем предыдущие. Нет, спасти всё это уже невозможно, да и сил у неё нет, чтобы выбирать из снега и грязи груды мокрой бумаги. Так и ушла она со своего пепелища, ничего не взяв...

Так в огне фашистского нашествия погибла чудесная улица Садовая, а вместе с нею юношеские и студенческие стихи К.М. Гусева. Через несколько лет улица потеряет свое название (*теперь – ул. Марии Копыловой*), застроится новыми, неказистыми из-за послевоенной бедности домами, и ничто не будет напоминать о её прежней жизни.

Дом на улице Чернышевского, в котором К.М. жил со своей матерью и семьёй сестры, тоже сгорел. Погибло всё имущество, в том числе и стихи. Поэт выехал из Воронежа ещё в начале 41-го года, ничего с собой не взяв. Потом всё, что считал он наиболее интересным, он восстановил по памяти, но к большинству старых стихов возвращаться не стал. Я написала то, что помнила. Увы, это было далеко не всё.

И вот, уже после смерти К.М., одна наша подруга Ангелина Николаевна Покровская показала мне общую тетрадь, исписанную характерным почерком поэта. У меня перехватило дух от волнения. Стихи! Довоенные стихи!

Ангелина Николаевна, или, как мы её звали солнечно, Геля, эту тетрадь вместе с письмами своего погибшего мужа Яши Гершановича захватила с собой, покидая горящий Воронеж...

Я с трепетом открыла коричневую обложку старой тетради, и годы тридцатые обдали меня своим тревожным ветром. Память озвучилась давно умолкнувшими голосами, наполнилась движением, засветилась лицами бесконечно дорогих мне людей. Я снова попала в мир моей студенческой молодости, в мир стихов Кости Гусева.

*Я для подруг-сестёр
В беседе не буду весел,
В шутках не буду остёр,
Сокол, лишенный крыл.
Счастья улыбку стёр,
Глаза равнодушьем завесил,
В сердце горящий костёр
От взоров прохожих скрыл.
Радость любимую петь мне –
Я разлучился теперь с ней,
Радость хоть видеть любимую –
С нею расстанусь я,
Только с одной-единственной*

*Я не расстанусь песней:
Песней о нашей дружбе,
Нашей земле, друзья.*

Неужели это те самые стихи, услышанные мною в предвоенном Воронеже в исполнении моего однокурсника по геофаку ВГУ Кости Гусева? Судьбой подаренная встреча...

Теперь, когда я бываю в Воронеже, я прихожу на то место, где когда-то был университет. Здесь очень красиво. Вместо пустынной площади III Интернационала шумит приветно прекрасный парк, там, где стояло четырехэтажное здание университета, – симпатичная улица Феоктистова. Никаких примет, роднящих с прошлым, не осталось, и всё меньше становится людей, которые помнят довоенный университет: его профессоров и преподавателей, его аудитории, актов зал, лестницы, раздевалку в полуподвальном этаже и невероятно длинные тёмные коридоры с пятнами светящихся окон по торцевым сторонам.

Моя подруга Таня Русанова по близорукости часто не узнавала людей, идущих ей навстречу, и путала их невероятно. Однажды она, хлопнув по плечу Костю Гусева, назвала его именем одного нашего сокурсника, за что и получила на лекции от Кости ехидную записочку:

*Ах, Таня милая,
ведь не твоя вина,
Что без очков
не видишь дале носа.
То не беда,
что зришь во мне Эфроса,
Но не узри в чужом
Головина.*

Головин Владимир Николаевич – муж Тани, молодой капитан с нашей военной кафедры. В годы Великой Отечественной войны он и Таня – Татьяна Андреевна Русанова – служили в действующей армии. Их заслуги отмечены орденами и медалями. Они прожили счастливую и долгую жизнь; думаю, что Костин совет здесь всё же ни при чём, просто люди любили друг друга.

Но в 38–40-х годах – а именно эти даты стоят под стихами – войны ещё не было, и, хотя время суровое, молодость брала своё: лекции любимых профессоров, университет культуры при ВГУ, приезд в город московских знаменитостей – всё привлекало нас.

*Здесь выросли мы.
Здесь смотрели с галёрки
«Снегурочку» в детстве,
А делаясь старше,
Ходили в свой вуз...*

Листаю коричневую тетрадь – и о чудо! Все мои друзья предстают передо мною во всём ослепительном цветении своего возраста. Вижу и себя, идущей, нет – бегущей! Летящей по Фридриха Энгельса! Опаздываю! До начала лекции остались считанные минуты. Заворачиваю за угол – вот и университет. Стрелой взрываю по лестнице. Звонкок настигает меня уже у входа в аудиторию. А вот и мои подружки Ира Ладыженская и Таня Русанова сидят, заняты и мне место поближе к кафедре. Прежде чем сесть, успеваю увидеть нашего университетского поэта Костю Гусева.

Он стоит где-то в глубине аудитории и, слегка приподняв голову: из-за дефекта зрения так ему лучше видеть, сквозь очки рассматривает всех входящих и вбегающих. Кого-то ждёт. Не дождавшись, махнув рукой, садится. Теперь самое время дать его портрет.

Худой, а потому кажется длинным, сутуловат, когда говорит – плавно и неопределенно разводит перед собой руками, слегка наступая на собеседника. В аудитории сидит всегда в последнем ряду, уткнувшись носом в книгу, или что-то пишет. Ничто ему не мешает.

Костя Гусев очень серьезный и образованный молодой человек. Весь в своих и чужих стихах, которые он вдохновенно читает друзьям, регулярно собирающимся у однокурсницы Виты Ильинской. Он написал поэму о Гарсиа Лорке и переводит его стихи, а несколько его стихотворений было напечатано даже в республиканской Испании. Он вхож в самые культурные дома города Воронежа. «Все профессора и доценты, – со смущенной гордостью говорит его мама Зинаида Ивановна Каневская, – А.Г. Русанов, А.И. Покровский, К.Н. Миротворцев, Г.Т. Гришин. А недавно в доме М.В. Самбикиной познакомился с известным критиком Е.Д. Троценко, и теперь она его друг». Его принимают «на равных», ведут с ним серьёзные разговоры, выслушивают его мнение. Но вообще он молчалив, задумчив. Некоторые считают его необщительным. Но это не так. Он действительно не принимает участия в разговорах о том о сём, которые ведутся иногда целыми часами. И высокомерие тут ни при чём. Просто у него свой взгляд на вещи и соответствующий уровень интереса к ним. Он очень наблюдательный и остроумный человек. Его острыми стихами и всякими шутками друзья делятся, как угощением. Он даже издаёт сатирический журнальчик со странным названием – «Сикамбр». Словечко взято из монолога Сатина – «Люблю непонятные, редкие слова... Органон, Сикамбр» (М. Горький. «На дне»). Недавно в журнальчике были его стихи, посвящённые университетскому ловеласу номер один Илье Кравцу, вообще-то славному парню. Стихотворение имело успех.

К.М. Гусев. Конец 1940-х годов.
Этот снимок сделал друг поэта – писатель Юрий Гончаров

КРАСАВИЦЕ О КРАВЕЦЕ

*Понапрасну слёзы льёт
Красавица:
Стала жизнь стекло и лёд
Без Кравца.
Для кого же по спине
Коса вьётся,
Если Кравца то не
Касается.
Не спеши любить! Постой,
Красавица.
Этот Кравец не простой,
Кус-с-ается,
Если ночью он тайком
Подкрадётся,
Не спасешься и бегом
От Кравца.
Ты не плачь, не плачь, моя
Красавица.
Будет долго, как змея,
Коса вьётся,
Но подальше подержись
От Кравца,
А не то навеки жись
Отравица!..*

Разыгрывать своего друга Яшу Гершановича с некоторых пор стало его любимейшим занятием: то в «Сикамбре» за подписью Я.Г. поместит легкомысленное стихотворение, а то ещё вот что учинил – решил наказать его за пренебрежительный отзыв о стихах не кого-нибудь, а самого Алексея Кольцова:

и рифмы у него, дескать, устаревшие, и ритмы не такие. «То ли дело Кирсанов!» – «Да ты читал Кольцова-то?» – спросил возмущенный Костя. «Читал». – «А это?» И Костя тут же написал стихотворение, якобы принадлежащее Кольцову.

*Сяду я за стол
Да подумаю,
Как на свете жить
Одинокому?
Радость мою,
Беду мою
Поведать мне
Не дано кому.
Ночи звёздчатой
Смола дбжжена.
Утро серое
Грузом жёрнова.
Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга верного.
На дворе весна –
Цветут ясени,
На душе, во сне –
Холод осени.*

Стихи понравились. А через несколько дней посрамленный друг при встрече сказал, смеясь:

– Костя, ты меня разыграл. Я прочитал Кольцова всего, стихов таких, разумеется, у него не нашёл, но я тебе благодарен. Кольцов действительно замечательный поэт.

Наш портрет университетского поэта Кости Гусева был бы незаконченным, если бы мы не упомянули о других чертах его личности – любви к иностранному языку и симпатичным девушкам. Всему этому есть подтверждение в коричневой тетради. Тетрадь открывается стихотворением на испанском, добрыми словами о Геле, которые поэт переводить не стал, предложив это Геле сделать самой. С другими девушками поэт поступил более милостиво, посвятив им стихи, написанные по-русски.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ ВЕТРА

*Как зима перевозданной порошею
Засыпает поля и межи,
Вот такой же нежданной, хорошею
Песней сердце любимой свяжи.*

*Словно вязы в узорах из инея
В день морозный ярки и свежи,
Вот такой же прозрачной и синею
Песней сердце любимой свяжи.*

*Иль вспугнёт неожиданный стих её,
Будет мучить до боли, до ран,
Словно в утро простое и тихое
Вдруг ворвётся мятежный буран.*

*Только ревностью сердце не сжало бы,
Не сдавило бы мукой такой,
Что ночами по желобам жалобы
Понесёшь, нарушая покой.*

*Для кого же заискрятся ласками,
Засверкают большие глаза,
Словно ночью, гремя под салазками,
Сыплют искры на снег полоза?*

Таков студент географического факультета ВГУ поэт Костя Гусев. Может возникнуть вопрос – как он всё это успевает: и учеба, и стихи, и языки, да ещё куча друзей-приятелей? Увы, не всё успевает. Недавно вызывал его профессор П.Г. Адерихин и интересовался, как у него дела с курсовой. Пришлось говорить что-то невнятное, из чего профессор понял, что курсовая у него в «эмбриональном» состоянии. Печальный момент. Но поэт не унывает, что мы и узнаем из стихотворения «Моя курсовая».

*Свершая труд назойливый,
Пред книгой падши ниц,
Имеете мозоли вы
От лиственных страниц.
Оплакивав и каявшись,
Считали на счетах.
А я свой труд сверкающий
Закончу, не читав!
Семантикою смелою
Бездарность подавив,
Свою работу сделаю
Шедевром курсовых.
Знаком с языком Мексики,
Китайскому не чужд,
Словами новой лексики
Работу настрою ж!
Сошедши к Адерихину,
Как новый апостол,
Сверкнув очами, выпихну
Пятьсот листов на стол.*

И в конце концов всё образуется: наш студент засядет за свою курсовую, одолеет её, но он всегда найдёт время, чтобы забежать к своей приятельнице и вписать в коричневую тетрадь новые стихи. О чём? О дружбе, любви, молодости, о родном Чернозёмном крае...

Закрываю тетрадь. Ощущение счастья не покидает меня...

1985